

ВСПОМНИЛСЯ разговор с известным московским актером. Была превосходная солнечная осень, а он с мрачным видом сидел в сквере у своего театра, как бы не решаясь войти. Поздоровались. Без всякого предисловия он сказал:

— Как ни печально, а придется отказаться от роли. Впервые за многие годы... Понимаете, не верю я ни мыслям, ни поступкам этого человека. Как же тут сыграешь?

Действительно, он отказался от роли. И это сделал мастер, у которого хватило бы и техники, и умения превосходно «спрятать» свое неверие!

Эпизод этот пришел на память в связи с гастролями Горьковского драматического театра имени М. Горького, показавшего в Киеве десяток своих спектаклей.

Смотрите эти спектакли, и рождается сомнение: а верят ли актеры, режиссеры, весь коллектив театра в большую идейно-художественную значимость того, что они делают? Горит ли здесь огонь внутренней убежденности, который способен зажечь сердца зрителей?

Знакомство с гастрольным репертуаром горьковчан сперва создавало впечатление, что театр стремится к достаточному разнообразию.

Гастроли открылись постановкой «Братья Ершовы». Сам театр анонсировал этот спектакль, как пронизанный духом партийности, характерный для творческих исканий коллектива. Но оказалось, что он был привезен более для «парада», нежели для встреч с широкой аудиторией. Его показали два раза. Не вдаваясь в подробности художественных качеств этого произведения, скажем, что, видимо, в театре не вполне были уверены в его доходчивости.

А следовало ожидать, что столь рекомендованный спектакль будет по-настоящему взволнованным, интересным.

УБЕЖДЕННОСТЬ ХУДОЖНИКА

На темы
театра

Стала крылатой фраза о том, что «нет плохих пьес, а есть плохие спектакли». Конечно, тут имеется в виду, что коль театр взял пьесу, «влюбился» в нее — значит львиная доля ответственности ложится на его плечи.

Неужели горьковчане всерьез решили, что именно то, что нужно сегодня — это «Женский монастырь»? Не хотелось бы так худо думать о гостях. Но и пьеса, и сам спектакль, с его полной актерской растерянностью, говорят о том, что коллектив не только не верит, но и осуждает всю эту горе-комедию и затею с ее постановкой. Почему же ее так часто показывали?

Кажется, захоти, так и не сыщешь более хрестоматийного примера сплошного искажения, оглушения образов наших людей, нашего быта, чем в «Женском монастыре». Высокогуманный конфликт аристофановской «Лисистраты» низведен тут до кровавой пошлости. Да стоит ли вообще говорить об этом спектакле, когда самую лучшую «рецензию» ему дали зрители. Билетные контролеры были бессильны остановить массовое бегство зрителей со спектакля.

Неудача этого спектакля еще раз подтверждает, как опасно неверие в идею зрителей.

Получается просто парадоксально: написанный сегодня «Женский монастырь» тянет назад, а шекспировский «Король Ричард III» — зовет вперед, к тому времени, когда на всей земле исчезнут тираны.

«Король Ричард III» — спектакль, где со всей очевидностью сказалась слабость режиссуры. На-

рушена композиционная стройность, все темпо-ритмы буквально лихорадит. Короче говоря, все сделано по принципу «лишь бы лбами на сцене не стукнулись». И все же, яркое дарование артиста В. Я. Самойлова, его большая внутренняя сила делают спектакль одним из самых интересных. Артист силой своего искусства буквально держит на себе весь свод спектакля.

Происходит это прежде всего потому, что очень четко, ясно и убедительно донесена основная мысль: тирания — это реки человеческой крови. Артист не идет по пути искусственного осовременивания далеких исторических ситуаций, а, обращаясь к прошлому, использует его образы для беседы с современниками. И вот это веское напоминание об антигуманной сущности самой идеи личной власти, с ее человеконенавистническими законами — основная философская и политическая концепция артиста.

Как глубоко нужно было проникнуться этими мыслями, как верить в них, чтобы так мастерски нести их на протяжении всего спектакля! В отличие от многих других шекспировских образов, Ричард подан сразу с законченным характером. Это великосветский убийца, хитрый, ловкий, не останавливающийся ни перед чем. Вид крови жертв приводит его в еще больший азарт.

При таком положении артисту очень легко было бы нарисовать традиционный «черный характер». Заслуга Самойлова именно в том, что он поднялся до высот больших обобщений, продемонстрировал не просто талант мастера, но и идей-

ную убежденность советского художника.

К сожалению, не всегда можно сказать так о других исполните-

лях центральных ролей ряда спектаклей.

В «Барабанщице» роль Нилы Смижко исполняет Л. С. Дроздова. Драматургия давала актрисе достаточный материал для многогранного показа своей героини. Обидно, что Л. Дроздова, в общем интересная актриса, не только не обогатила образ своим видением, но и не использовала даже всех возможностей пьесы. Причина здесь, на мой взгляд, кроется в боязни оперировать при решении образа такими категориями, как символика, монументальность. Непонятно, зачем нужно было так «обтравлять» Нилу? Почему режиссер и актриса испугались героического пафоса? Думается, что бессмертное мужество достойно всего самого величественного.

Таково вкратце впечатление от спектаклей Горьковского драматического театра. Естественно, после всего здесь сказанного может возникнуть вопрос: неужели так уж все плохо в театре? Конечно, нет. В работах горьковчан есть и свежие мысли, и своеобразные, оригинальные решения. Все это так. Но тем явственнее стали видны их просчеты. О них и хотелось нам по-дружески поговорить.

Э. КАЛИНОВСКИЙ.